

“Тезисы воспоминаний” Ионы Исааковича Гуршман – это повествование о жизни инженера – крупного специалиста в стекольной промышленности. Он родился в дореволюционной России, в интеллигентной еврейской семье, имевшей полное гражданское право на проживание в Санкт-Петербурге.

Кроме истории семьи в книге представлены такие воспоминания автора, как дореволюционное детство, кругосветное путешествие в составе Петроградской Детской Колонии, становление Советской Власти в Петрограде, тюрьма, Ленинградская блокада, послевоенное восстановление промышленности – события, в которых автор принимал самое активное участие.

Иона Исаакович Гуршман

Тезисы Воспоминаний

Тезисы Воспоминаний

Иона Исаакович Гуршман

...ама заболел...
...уменьшилось...
...на 2-й Советской...
...было все время...
...драго операцион...
...но ночь...
...важно, поддержи...
...ом у нас...
...робан без операци...
...ра не час...
...и. е. новой экон...
...важно напра...
...не из Кр...
...активный д...
...роферики, а та...
...позерена...
...после д...
...взять на се...
...согласился...
...меленьки...
...несколько...
...ко почти...
...фабрике...
...аде...
...т

КОЛОНИЯ

В мае 1918 года по инициативе отдельных педагогов и родителей с помощью Отдела Народного Образования и Союза городов была подготовлена организация отправки детей – школьников в возрасте от 7 до 16 лет на лето большими партиями, названными колониями, в сытую Сибирь, где легко мог решаться вопрос полноценного питания детей.

Об этом было объявлено во всех школах, начата запись желающих и прием установленных денежных взносов. Мои родители после долгих обсуждений решили записать в колонию не только меня, но и Сою, которая заканчивала первый класс женской гимназии княгини Оболенской, где всё преподавание велось на французском языке. Дядя Соломон также записал своего сына, то есть нашего двоюродного брата Гришу, который был старше меня. Первая колония, в которой было порядка 400 девочек и мальчиков отправилась 18 мая 1918 года в город Миасс Челябинской области. В нашей второй Петроградской Детской Колонии также было около четырёхсот детей, причем самая большая, пятая группа более 50-ти человек, была укомплектована учениками Третьего Реального Училища, преподаватель которого Дежорж был назначен директором колонии.

Гриша Гуршман, я, а также Миша Лемельштрейх были зачислены в шестую группу, основой которой были ученики 7-й гимназии, в том числе шесть человек из моего третьего класса, частично пополненную из других мужских гимназий. Большие мужские группы состояли целиком: вторая - из учеников Высшего Начального Училища, третья – городского, двадцатая – Петершуле, двадцать первая – Технического Училища; остальные группы были сборные, также, как большинство женских, из которых 4-я состояла полностью из воспитанниц приюта, девятая – из учениц Мариинской Гимназии, причем только старших классов, так же как 21-я – из мальчиков 15 - 16 летнего возраста, которых называли “Техниками”.

Мы выехали с Николаевского вокзала в поезде из санитарных, переоборудованных из 4-го класса вагонов, в которых все три полки закрывались на ночь средним сидением, образуя таким образом сплошные трехэтажные нары. У всех ребят были только рюкзаки с летними вещами, постельными принадлежностями, походной посудой, лёгкими пальто или куртками на руке. За наше будущее питание родители при записи внесли соответствующие суммы, а также дали воспитателям групп некоторое количество советских денег для нас на личные расходы. Колония направилась в город Петропавловск Акмолинской области. В каждом вагоне ребята поочерёдно по двое дежурили: из кухни приносили пищу, чай, делили хлеб на мизерные порции, подметали полы.

Поезд наш двигался очень медленно, подолгу простаивал почти на всех

станциях и даже полустанках. Ребята быстро перезнакомились между собой, играли в шашки, шахматы, читали, болтали, даже успели дать почти всем прозвища. Воробьев был “Мандрила”, Гриша – “макака”, я – “баран” и Хунхуз”, Лёня Яковсон – “красотка”, Миша Лемельштрейх – “живые мощи”, Лобашков – “горилла”, Боря Соболев – “собака” и т.д. В нашей группе выделялись три брата, ученики первого, второго и третьего классов Саблинской Гимназии – Костя, Сережа и Лёня Яковсон. Это были физически крепкие, очень дружные между собой мальчишки, державшиеся с окружающими вызывающе-наплевательски, афишируя, что они никого не боятся, и быстро заслужившие прозвища “Саблинские хулиганы”. И вот, через несколько дней после нашего отъезда из-за серьезного происшествия Сергей Яковсон, мой сверстник, и я приобрели известность во всем поезде. В это утро во время очередной стоянки поезда один из двух дежурных принес чай и раздал его всей нашей группе, в то время, как второй дежурный, Сергей Яковсон, на скамейке делил полученный хлеб на порции. Я с моим маленьким котелком, наполненным только что горячим чаем, подошёл, чтобы получить свою долю хлеба и, увидев, что Сергей отделил три порции удвоенного размера для себя и братьев, сказал ему, что надо быть честным и делить хлеб всем поровну, на что он моментально отреагировал, схватив свою большую металлическую кружку. Сергей ударил меня по лицу, причём ребром пробил мне переносицу; хлынула кровь. Меня всего затрясло и, ничего не соображая, я бросил ему в лицо свой котелок с чаем. Когда я очнулся, то увидел, что Сергей бегаёт и царапает себе лицо. Одни ребята стараются его поймать, а другие держат меня за руки и пальцами стараются закрыть отверстия в переносице и остановить фонтанирующую кровь. Нас обоих отвели в вагон-лазарет, где фельдшерница Мария Яковлевна смазала ошпаренное лицо Сергея, а мне воткнула в переносицу и в ноздри тампоны, после чего ему забинтовала всю голову, а мне сделала круговую повязку, а затем прорезала обоим отверстие для глаз. Однако этот инцидент был всеми нами правильно истолкован, и у меня с братьями Яковсонами вскоре установились хорошие товарищеские отношения, хотя мы оба ходили с повязками почти месяц.

Старший же Яковсон – Лёня – потом стал одним из моих лучших друзей на протяжении ряда лет и после колонии. В нашей группе, занимавшей отдельный вагон, общественное мнение в общем было на моей стороне в этой нехорошей истории, и было принято общее решение, что впредь нечестность будет наказываться, также как и зачинщики драки, всей группой устройством “тёмной”, т.е. избиением виновного предварительно накрытого одеялом.

В общем, медленно двигаясь, наш поезд добрался до Екатеринбурга, ныне Свердловска, где стоянка продолжалась сутки, и воспитатели всех групп организовали экскурсию по городу и посещение двух музеев. Также мы видели дом инженера Ипатьева, в котором в это время был заключён бывший царь

Николай Второй со всей своей семьей и больным сыном Алексеем. Все они вскоре, в июле 1918 года, там же были расстреляны. В Екатеринбурге же до нас дошли слухи о каком-то восстании чехов в Сибири. Вечером поезд двинулся медленно дальше на восток, но в Тюмени мы простояли три дня, после чего воспитатели объявили нам, что в Петропавловск мы не можем ехать, так как в Сибири идет война. Слухи о восстании чехов подтвердились. Как я впоследствии узнал, в Сибири было большое количество лагерей военнопленных чехов, бывших солдат австрийской армии. Заинтересованными антисоветскими организациями среди них был пущен провокационный слух, что хотя уже заключён мир, их домой не пустят, будут и дальше использовать в качестве даровой рабочей силы, и что только с оружием в руках они могут пробиться к себе в Чехию. Оружие им тоже было подброшено, и восстание началось; вслед за ними пошла белая армия адмирала Колчака, уральские казаки с красными околышами на фуражках во главе с атаманом Анненковым, забайкальские казаки с жёлтыми околышами под командой атамана Семёнова, офицерские и юнкерские полки и дивизии, а позже и мобилизованные крестьяне.

Наш поезд вернулся из Тюмени обратно до станции Богданович, там немножко подался на север до станции Кунара, где нас выгрузили и пешком повели три километра в расположенный рядом с деревней Курьи санаторий “Курьинские Минеральные Воды”. Он располагался в бывшем роскошном парке на берегу реки Пышмы на очень возвышенном месте, откуда вела дорожка к роднику лечебной воды и дальше уже к реке.

Санаторий был совершенно пуст, по-видимому предоставлен нам местными советскими властями, и состоял из четырех зданий: главного жилого корпуса, летнего длинного двухэтажного каркасного, обшитого окрашенными досками с галереями вокруг первого и второго этажа, большой рубленой кухни рядом с ним, просторного летнего красивого здания курзала, украшенного резьбой, и четвёртого, большого зимнего рубленного дома, по-видимому, предназначавшегося для персонала санатория. В курзале, в комнатах расположилась 9-ая группа девочек, а зал остался незаселенным для танцев и игр, в зимнем рубленном доме разместились девочки самой многочисленной сборной 8-ой группы. В главном корпусе в первом этаже поселились все мальчики, во втором – весь педагогический и обслуживающий персонал, остальные 3-я и 4-я группы девочек, а также лазарет. Первые две-три недели мы провели не плохо, гуляли по парку, ходили в деревню, купались в реке, вечерами в курзале устраивались танцы под оркестр из нескольких мандолин и гитар, привезенных собой ребятами, и санаторного расстроенного пианино. Питание также резко улучшилась за счет местных закупок, а во второй половине июля к нам пришла война.

Главный корпус и окружающая его открытая возвышенность господствовали над всей окрестной местностью, и потому являлись местами не

только наблюдателей, но и пулеметных и артиллерийских позиций. Наше здание специально не обстреливалось обеими сторонами, но шальные пули в изобилии летали в наших помещениях. Все воспитатели были во время перестрелок и боёв с нами, на 1-м этаже, так же как и всё население второго этажа, и всех заставляли лежать на полу, благодаря чему, в составе колонии жертв не было, хотя наша высотка семь раз переходила из рук в руки и, наконец, осталась у чехов. Однако ребячье любопытство превозмогало страх, и, выскакивая на секунду из помещений, мы видели гибель многих людей с той и другой стороны.

Надо сказать, что во время боёв все местные крестьяне убежали в леса, а их беспризорные коровы бродили по нашему парку и жалобно мычали, поскольку у них перегорало молоко. Конечно, в эти дни ни чая, ни горячих обедов мы не получали, и ребята решили в перерыве боёв доить коров, хотя никто не умел это делать, но некоторые видели этот процесс. В общем, пойманную корову, держали двое за рога, четверо, лежа – за ноги, а двое – поочередно доили. В некоторых случаях такая процедура надоедала корове, она ногой опрокидывала ведро с молоком, вырывалась из рук мучителей и убегала. Ну, в общем-то, почти все коровы были выдоены, а колонисты пили молоко, за которое потом вернувшиеся крестьяне требовали рассчитаться с ними вещами, ну, конечно, ничего не получили, что, естественно, не улучшило взаимоотношений.

Когда же бои, наконец, отошли на Запад, колония оказалась отрезанной фронтом от Советской России, от Петрограда, от родителей. Это сразу же осложнило положение, так как денежные ресурсы колонии, находившиеся у руководства колонии, и наши личные у воспитателей групп, были в советских деньгах, за которые теперь нельзя было ничего купить. Продовольственные запасы колонии быстро иссякли, если не считать значительного количества ячневой крупы, каша из которой в смеси с рубленой соломой, стала единственным нашим питанием. В конце концов, эта еда всем опротивела, и ребята, считая, что педагогический персонал не принимает меры для исправления положения, не стали есть кашу, а вываливали её целыми ведрами в галерее второго этажа перед комнатами воспитателей. Но голод – не тётка, и все мальчики разбрелись по окрестным деревням в поисках пропитания. Маленькие мальчики попрошайничали, воровали с крестьянских огородов овощи, картошку, старшие – работали батраками. В это время чехи поняли, что оказались жертвами провокации и обмана и вышли из игры, т.е. прекратили боевые действия против Красной Армии, оставаясь на местах, в то время как дальнейшее наступление вели уже белогвардейцы. Большой военный эшелон чехов стоял на станции Кунара, и навещавших его мальшей там приветливо встречали и подкармливали. Некоторые старшие девочки из 9-ой группы также ходили по деревням, пытаясь поменять свои тряпки на хлеб.

Волостью, управление которой находилась в четырёх километрах от колонии в большом селе Сухой Лог, командовал теперь белогвардейский комендант, вечно пьяный казачий офицер-анненковец, который однажды приехал верхом на своем рыжем жеребце к нам в колонию. После беседы с нашими педагогами он, ругаясь матом, помяная большевиков, предателей, шпионов и жидов, влез на своего коня на глазах собравшихся вокруг мальчишек, грозя им нагайкой. Коренастый, широкоплечий с большой рыжей бородой, закрывавшей большую часть лица, и налитыми кровью глазами, он был пьян. Ребята отбежали подальше и начали бросать в него камни. Он совсем рассвирепел, махая нагайкой, неудачно пытался догнать их и, потом, ругаясь, ускакал из парка.

Тяжёлые условия, в которых оказалась колония, привили детям чувство самостоятельности и ответственности, заставив выработать жесткий кодекс товарищества. Всё, добытое каждым из колонистов, – выпрошенное, украденное или заработанное – становилось достоянием всей группы, и делилось всем поровну. Если же у мальчика в колонии была еще сестренка, а таких случаев было много, то в группе оставалась только половина принесенного, а вторая половина передавалась в группу сестры, и там тоже делилась поровну. Девочки же, не только сестры, чинили и стирали белье и другие вещи мальчиков. Миша Лемельштрейх, я и Миша Кальварский, также из нашей группы, работали батраками в дальней деревне Сергуловке за 16 километров от колонии с оплатой за труд только продуктами питания. Там я научился и косить, и жать, и лошадей гонял в ночное, купал и чистил их, и выполнял другие поручения. Работа была тяжелой, от зари до зари, и лишь днем после обеда два часа спали под телегами. В субботу вечером мы уходили в колонию с полными заплочными мешками белого хлеба, шанежек и всякой снеди. Надо сказать, что крестьяне там жили богато, двор с двумя лошадьми и двумя коровами считался почти бедняцким. Дома были высокие, просторные с резными украшениями на окнах, крылечках, карнизах крыш, с большими дворовыми службами, дворами, огражденными высокими плотными заборами, воротами с навесами и калиткой с тяжёлой щеколдой.

Однажды, в период жатвы в субботу вечером, хозяйка, тоже работавшая весь день в поле, попросила нас остаться до утра воскресенья, так как она не успела напечь и нажарить для нас еду, а за ночь она всё приготовит. Но мы решили идти в колонию вечером, обещая прийти за продуктами завтра, в воскресенье. Она собрала всё, что было в доме, и отпустила нас с заплочными мешками, наполненными не до верху, с тем, чтобы мы обязательно пришли еще на следующий день. Она знала, что продукты идут в общий котел группы, а также, что у меня есть маленькая сестренка. На следующий день по дороге в Сергуловку мы встретили пьяного коменданта верхом на своей рыжей лошади. “А Питерские большевики шпионить пожаловали!” – приветствовал он нас, пересыпая слова матом. Мы объяснили, что батрачим здесь, идем получить продукты за работу. Он

повернул коня, приказав нам идти впереди, чтобы проверить у хозяев, правду ли мы сказали. Кругом были поля, и бежать было бесполезно. Когда подошли к дому моих хозяев, он велел нам войти через калитку во двор, затем спешился, а также ввёл лошадь во двор и привязал ее к закрытой калитке, таким образом исключил возможность для нас выхода через неё. Мы были в ловушке. Комендант ручкой нагайки постучал в окно, сразу же открытое встревоженной хозяйкой, которую он спросил, узнав что хозяина дома нет, знает ли она этих большевиков, показывая на нас. Перепуганная хозяйка, крестясь ответила, что никаких большевиков она не знает, после чего он приказал закрыть окно.

Вытащил из кобуры наган и, поднося его дуло поочерёдно к животу каждого из нас, он кричал, что большевистских шпионов надо на месте расстрелять, но это только у большевиков нет закона, но у российской власти есть, и нас по закону будут судить. А пока мы получим задаток. Переложив наган в левую руку, нагайку в правую, он начал хлестать ею нас по спинам, на которых, к счастью, кроме единственных летних рубашек, были пустые мешки. Однако удары толстой ременной нагайки с заплетенным на конце куском свинца были очень болезненны, в результате чего Кальварский начал кричать и бросился на землю, закрыв голову руками. Комендант озверел, бил его, крича, что забьет до смерти, после чего бедняга вскочил на ноги и так же, как мы, закусив губы, молча переносил побои. Наш мучитель, отсчитав 30 проходов по нашим спинам, т.е. суммарно 90 ударов, закончил истязания, вывел нас за околицу деревни и велел нам идти в волостное управление в Сухом Логе и ждать его там для составления протокола в суд. Полагая, что суд должен наказать его, пьяного самодура и хулигана, а не нас, мы решили выполнить его указание. По дороге, не доходя до Сухого Лога, мы встретили тарантас с двумя чешскими офицерами, сопровождаемыми пятью верховыми чехами. Они остановились, расспросили нас, кто мы, откуда и куда идём, и узнав о происшедшем, сказали, что едут арестовать коменданта, и просили нас пойти в волостное управление.

Там сидели два врача-чеха, которые осматривали группу местных крестьян и крестьянок и составляли акты осмотра следов избиений. Оказалось, что жертвами комендантской нагайки в тот день было более 25 человек, и в том числе три наши большие девочки – Мальшева, Плетнева и Иванова. Они пошли в село менять свои вещи на хлеб. Встреченный ими комендант на лошади, посреди села, после нескольких слов начал бить их нагайкой. Почти все население села было на улице после воскресного богослужения в церкви. Девочки бросились бежать в разные стороны. Двоих заслонили местные женщины и девушки, а третья – Нюра Иванова, перелезая через низкий плетень, была настигнута пьяным бандитом в чине казачьего офицера, ударившего нагайкой уже по голове. Рубец прошёл по всему лицу у самого глаза, к счастью не повредив его, а свинчаткой на щеке была также рассечена кожа. Гулявшие на улице женщины и девушки начали кричать на

хулигана, который врезался в толпу, раздавая удары нагайкой. За женщин вступились мужчины и парни, которые хотели стащить его с лошади, но он вытащил наган, стреляя в воздух, разогнал их ударами нагайки и ускакал, а парни побежали на станцию Кунара к чехам с просьбой защитить их.

Врачи записали подробно все рубцы и раны от нагайки и наконечника, смазали нам спины и велели сразу же пойти в свой лазарет, где Мария Яковлевна сделала нам какие-то примочки, а затем смазыванием успокоила боль. После этой экзекуции я почти два месяца не мог лечь на спину, спал только на животе. Всё же в понедельник мы пошли на работу, но жать внаклонку мы не могли и работали, ползая на коленях. Мой хозяин, вернувшийся домой после визита коменданта, узнав о предательстве жены, поколотил её за это, о чём узнал Миша Лемельштрейх от своей хозяйки уже на следующий день.

Хозяева относились к нам хорошо и сделали в работе скидку на поврежденные спины. А через три недели чехи приехали за шестерыми пострадавшими колонистами и колонистками, доставили нас в Камышлов на заседание военного суда, председателем которого был чешский полковник, а заседателями – два белых офицера. Помещение было переполнено жителями Сухого Лога и не только пострадавшими. В общем, бывший комендант, ко всеобщему удовлетворению, был осужден на четыре года каторги.

Между тем шел сентябрь. Мы в лёгкой одежке мёрзли в дощатом здании главного корпуса с частично выбитыми стеклами. Вместо стекол, правда, мы затыкали эти места всеми подручными материалами, а на себя одевали всё имеющиеся белье и одежду, заворачивались в одеяла от холода, особенно по ночам, но это не очень спасало. К счастью, в помещениях девочек 8-й и 9-й группы были печки, отапливаемые собираемым валежником. Директор колонии Дежорж куда-то уезжал, где-то хлопотал, но время шло, по ночам начались заморозки. В деревне уже никто не батрачил – не было работы, но у нас благодаря системе обобщенного снабжения создался значительный фонд сухарей из высушенного хлеба, который немножко поддерживал нас. Это было разумным мероприятием старших мальчиков нашей группы. Незаметно сбежал из колонии молодой преподаватель нашей группы Жуков со своим четырехлетним сыном Даней вместе с молодой воспитательницей 3-й группы Тamarой Кирилловной – “крысы с тонущего корабля.” Наконец, появился торжествующий Дежорж и велел всем собираться к переселению в Тюмень. Погрузили на несколько подвод кухонный инвентарь, часть педагогического и обслуживающего персонала. И вслед за обозом вся колония пешком прошагала 16 километров на станцию Богданович. Идти было не тяжело, так как заплечные мешки были почти пустые, всё бельё и одежда были одеты на нас.

В Богдановиче мы погрузились в состав теплушек, которые через сутки доставили нас в Тюмень. Здесь выгрузившись, пройдя через весь город, мы достигли

на его окраине места назначения, громадного двухэтажного бревенчатого дома купца Ипатьева (а попросту Ипатьевского дома) с большими подвальными помещениями, дворовыми службами и сараями. Но не вся Вторая колония приехала в Тюмень. 2-я, 3-я и 4-я группы выехали из Богдановича в Ирбит, а 9-я – из Тюмени дальше, в Томск. И в Ирбите, и в Томске обе эти группы благодаря заботливости и организаторским способностям их воспитательниц почти сразу оказались в сносных условиях жизни и учебы. Далекое не так было в Тюмени. В комнатах, заранее распределенных между группами, никакой мебели, даже топчанов или нар, не было, на полу обильно была навалена солома, которая должна была заменить кровати и постели. К счастью, у подавляющего большинства ребят сохранились сенники, которые и были набиты соломой, наволочки, простыни и байковые одеяла. Наличие дров в сарае позволило нам протопить и прогреть здание.

Нам раздали какую-то новую похлебку и давно надоевшую ячневую кашу, но с голодухи и её съели. В общем, какой-то минимум питания мы получали, но всегда были голодны. В это время кто-то из старших ребят пронюхал, что на реке Туре, протекавшей возле Тюмени, очень близко от нас стоят несколько полностью загруженных арбузами барж, которые из-за отсутствия грузчиков оказались под угрозой замерзания во льду. После обсуждения в разных группах старшие ребята договорились с руководством порта о разгрузке барж. И вот все мальчики кроме самых младших, т.е. около 200 человек вышли на разгрузку арбузов, передавая их с рук на руки и укладывая в пакгаузах. За работу с нами ежедневно расплачивались арбузами, и в течение недели, пока шла разгрузка, колония объедалась ими, а по окончании работы была получена большая сумма денег.

Основную часть их передали директору Дежоржу на покупку продуктов, а небольшой остаток распределили по всем группам пропорционально полному их составу. В группах дежежа этих денег не было. Закупка продуктов производилась коллективно. Тут было только одно осложнение. После первых двух походов маленькими группами колонистов для покупок на рынке, там тюменские торгаши распустили слухи, что “питерские большевики” приходят на рынок воровать, и их надо бить, а местные хулиганы приняли это предложение к исполнению, и ребятам едва удалось убежать от избиения. После этого походы на рынок осуществлялись большими группами порядка 20 человек, обязательно вооруженных солидными палками. Однажды предпринятая хулиганами попытка нападения на наших ребят, разбившихся на рынке на мелкие группы, окончилась для хулиганов плачевно. Наши моментально собрались вместе и основательно побили врагов, которые после этого случая боялись показываться поблизости от нас. Также проучили одного из торгашей, безосновательно крикнувшего, что “питерские большевики” обокрали его. Его палатка и весь товар в считанные минуты были разбросаны, после чего рыночные торговцы проявляли к нам уважение, хотя может быть и не искреннее. Между тем наша фельдшерница,

еврейка, Мария Яковлевна куда-то уехала, а через день вернулась. Оказалось, она ездила в Екатеринбург и обратилась там в еврейскую общину с просьбой временно помочь еврейским детям, находящимся в колонии в бедственном положении.

Правление общины немедленно откликнулось на ее просьбу, и согласовав вопрос с рядом семейств, тут же предложило до лучших времён разместить еврейских детей-колонистов в давших согласие семьях. Мария Яковлевна сообщила об этом директору колонии и воспитателям.

Все одобрили это предложение, и на следующий день все 17 колонистов-евреев, в том числе две девочки, собрали свои пожитки и с Марией Яковлевной отправились в Екатеринбург, где нас уже ожидали и сразу же развезли по семьям, а наш добрый гений попрощалась с нами и вернулась в колонию к своим фельдшерским обязанностям. Соня попала в семью лучшего в городе врача гинеколога-акушера доктора Сяно, где были два мальчика немножко старше и младше ее и девочка, ее ровесница и одноклассница, с которой она сразу подружилась, тем более что у девочек была общая спальня.

Меня же приютила молодая бездетная пара: 26-летний коммерсант Рувим Соломонович Шейнкман и его жена 23 летняя домохозяйка Ревекка Лазаревна.

Оба были молодые, красивые, крупные брюнеты, остроумные, веселые и жизнерадостные. Она кончила в Варшаве гимназию, он – реальное училище в Екатеринбурге. Она – польская еврейка, приехала из Варшавы в Екатеринбург как беженка в начале войны со своей старшей сестрой, зубным врачом, и её мужем. В Екатеринбурге работала машинисткой-стенографисткой. Он – коренной сибиряк, еврей из николаевских солдат, в Екатеринбург переехал ребенком вместе со всей семьей, состоявшей, кроме родителей, из пяти братьев и сестер. У его отца был большой магазин скобяных товаров, всем детям он дал среднее образование, а сын Яков учился в университете, дочка была курсисткой. Оба они задолго до революции состояли в подпольных организациях партии большевиков, за что студент был исключен из университета и сослан в Сибирь, и только после революции 1917 года вернулся из ссылки, возглавил в Казани борьбу за советскую власть, а затем был председателем Совнаркома татарской республики. С приходом белых был расстрелян. Его сестра также после Октябрьской революции работала в ЦК партии. Все братья высокие, крепкие, красивые мужчины, были музыкантами-любителями, игравшими на струнных и духовых инструментах. Поэтому Рувим отбывал действительную военную службу в музыкальной команде, играя на большом басу. Война началась накануне окончания его службы и волей случая младший Шейнкман, также мобилизованный в армию, попал в одну команду с братом. Во время боёв-атак и контратак – музыканты оставляли свои инструменты и становились строевыми солдатами. Во время одной из атак в начале войны младший брат погиб на глазах старшего, Рувима, шедшего рядом.

Два другие брата также воевали, были ранены, но вернулись домой. На Рувима смерть брата сильно подействовала и он, поняв, что все рискуют жизнью или отдадут ее неизвестно за что, дезертировал из армии, перебрался через границу и уехал в Америку. Там с помощью Еврейской общины он быстро получил квалификацию шофера, после чего работал по этой специальности и после заключения Брестского мира. Через некоторое время вернулся в Екатеринбург. Родители его были живы, но отец отошел от дел и передал магазин сыну Моисею. Старший брат Залман, женившийся на сестре Томского священника и имевший от неё уже двоих маленьких детей, стал владельцем маленького дрожжевого завода. Так в одной семье оказались социально противоположные группы, но сохранившие между собой родственные чувства. Среди еврейских семей, приютивших нас были ремесленники, интеллигенты, торговцы и коммерсанты. Но во всех случаях к нам относились, как к членам семьи, одели в теплые зимние вещи. Все мы посещали соответствующие учебные заведения, но пропустив уже более двух с половиной месяцев учёбы, большими успехами конечно не отличались, да и головы были заняты больше мыслями о родителях. А Соня из-за этого на нервной почве заболела “Пляской святого Витта”, она плакала, тряслась, из рук всё падало. Счастье, что она попала в семью врача, который долго лечил её и вылечил. Все дети и жена очень чутко относились к ней, делая вид, что не замечают проявлений болезни. А зимой к нам приехал из Тюмени член тройки из родительского комитета 2-й колонии, организованного в Петрограде, с участием также и нашего папы. Эта тройка с помощью шведского Красного Креста перебралась через линию фронта, разыскала основную часть колонии в Тюмени, где на общем собрании рассказала о положении в Петрограде и организации комитета, а затем в группах – об отдельных родителях и раздала короткие письма из дома подавляющему большинству колонистов. После этого тройка разделилась, и члены её выехали в Томск, Ирбит, Екатеринбург, где проделали ту же работу. Перед возвращением в Петербург они собрали у всех колонистов коротенькие письма родителям. Эта рискованная, но благородная миссия сняла большую тяжесть с сердца и детей, и родителей. В Тюмени же вскоре после нашего отъезда в Екатеринбург в колонии стали появляться американцы в военной форме, которые беседовали непосредственно по-русски или через переводчика с педагогами и детьми. А через несколько дней пустые сараи ипатьевского дома превратились в склады американской теплой детской одежды, постельных принадлежностей, свежих, сухих, и консервированных продуктов питания. Всё это сразу же пошло в дело. Ребята получили зимнюю одежду, одеяла, простыни, наволочки, и что особенно важно, полноценное трехразовое питание. Сибирское представительство Американского Красного Креста, узнав о бедственном состоянии петроградских детей, срочно выслало на место своих представителей, которые сразу же решили взять колонию на попечение

Американского Красного Креста и немедленно провели указанные выше мероприятия. В колонии остались, не вмешиваясь в дела педагогов и директора Дежоржа, американские руководители: начальник колонии – доктор Коллес, его заместитель – мистер Аллен, помощник по административно-хозяйственной части – мистер Брэмхолл и помощник по воспитательной и физкультурной работе – мистер Вудс.

В то же время Американский Красный Крест взял под свою опеку Первую Петроградскую Детскую колонию, рассредоточенную в Кургане, Троицке, Петропавловске и Уйской станице, о чем мы конечно, узнали позже. В Тюмени же подстриженные, вымытые и тепло одетые ребята начали учебу: мальчики – в реальном училище, а девочки – в гимназии. В Екатеринбурге мы благополучно перезимовали. Кроме занятий в гимназии я встречался с другими колонистами, читал и даже несколько раз был в хорошем екатеринбургском театре вместе со своими попечителями. Кроме того у последних часто бывали гости, родственники и друзья, причем в этих случаях Ревекка Лазаревна, научившаяся сибирской кухне, устраивала пельменный стол, т.е. варила целый котел пельменей, которые очередями подавали к столу с различными приправами и соусами, к чаю же она готовила сладкие бублики, заваривающиеся в кипятке и размоченные шанежки – род ватрушек и булочек с различными начинками, смазками, а также пироги с разной рыбой и морковью. В конце весны, когда Красная Армия перешла в контрнаступление против Колчака, правление Еврейской общины решило с учетом опеки Американского Красного Креста над колонией, что в условиях меняющейся политической обстановки безопаснее нам быть не в еврейских семьях, а в колонии. Надо сказать что незадолго перед тем в Екатеринбурге было скандальное происшествие. В воскресенье вечером в большом городском саду, где давал представления Летний театр, работал ресторан, а также играл военный духовой оркестр, под музыку которого на открытой площадке шли танцы, большая группа занявших весь ресторан и напившихся там казачьих офицеров вышла в сад, закрыла вход в него, поставив там двух часовых-казаков, а затем с нагайками в руках начала выгонять всех мужчин, не выпуская молодых женщин. Несколько сопротивлявшихся мужчин при этом были жестоко избиты и выброшены на улицу. Оповещенный об этом комендант города лишь через два часа сумел послать туда роту из офицерского полка, которая утихомирила хулиганов. В газете, конечно, не писали об этом, но весь город два дня с возмущением говорил о происшествии, и, конечно, сам этот факт к белогвардейцам симпатии не повысил.

В общем, в мае 1919 года мы, 17 колонистов, выехали из Екатеринбурга обратно в Тюмень, провожаемые нашими благодетелями. И прощались с ними с чувствами значительно более глубокими, чем благодарность. В колонии товарищи встретили нас с радостью, никаких даже намеков национального

порядка не было. Нас сразу же переодели в американское обмундирование: серую плотную шерстяную рубашку, суконные брюки-клёш, кепку и демисезонное суконное полупальто, черное, в темно-зеленую крупную клетку, а также выдали летние гимнастерку, галифе и обмотки – все цвета хаки. В общем, мы сразу же вошли в родную атмосферу. А в начале июля в Тюмень приехали Рувим Соломонович и Ревекка Лазаревна Шейнкманы, не знаю, то ли в порядке эвакуации, то ли в гости к семье священника Белоглазова – шурина старшего Залмана Шейнкмана.

Они остановились у священника, разыскали колонию и меня, после чего я несколько раз навещал их, причем, в семье Белоглазова я не только не заметил антисемитизма, но, наоборот, очень благожелательное отношение к евреям, которых они ставили очень высоко и считали основоположниками христианства.

Через неделю Шейнкманы уехали из Тюмени. Между тем до нас доходили слухи об успешном наступлении Красной Армии. Колчаковцы уже мобилизовали в армию семнадцатилетних, а иногда хватали на улице более юных рослых мальчиков. Наш директор Петр Васильевич Дежорж, сам бездетный, но любивший детей, считавший своим долгом сохранить всех колонистов, по согласованию с американским руководством колонии собрал всех мальчиков старше 15 лет, и во избежание незаконной мобилизации, посадил их на пароход и увез в Томск, где находилась часть представительства администрации Американского Красного Креста. А Красная Армия приближалась к Тюмени. Американцы в июле собрались уезжать на восток и предложили нам ехать с ними.

Решить этот вопрос должно было общее собрание колонии, которое единогласно высказалось за то, чтобы остаться на месте, ждать прихода Красной армии, и затем вернуться в Петроград. Американцы уехали, оставив нам полные склады вещей и продовольствия. Через пару дней уже доносились звуки приближающейся канонады. А на следующий день уже на противоположной окраине Тюмени шла артиллерийская перестрелка. Громадный ипатьевский дом стоял внутри большого двора, в ворота которого вошёл взвод солдат во главе с белым офицером, он созвал всех педагогов и обслуживающий персонал и приказал в течение одного часа погрузиться на ожидающий нас на реке Туре буксир с баржей. В случае неповиновения обещал сжечь дом и его обитателей. Пришлось подчиниться. Собрать наши личные вещи и постели и перетащить их на баржу было недолго, каких-нибудь 15 - 20 минут, но остаться без продовольствия было невозможно. И все мы, маленькие и большие, тащили на баржу всё, что было по силам, в основном из продуктов питания, но и кое-что из вещей, таких, как урсовые одеяла, рулоны сукна и т.д. Нас было больше 250 человек, и мы, как муравьи, небольшую баржу всё же нагрузили, но в 3 или 4 раза больше осталось на складах. По истечении срока по указанию офицера педагоги построили нас группами и повели в сопровождении его и солдат на пристань, где

человек сорок посадили на баржу, остальных – на маленький буксир, но не посадили, а поставили, так как на нём даже присесть на корточки было невозможно. Так стоя вплотную плечом к плечу, мы простояли двое с половиной суток, проплыв расстояние около 400 километров до города Тобольска, стоящего при впадении Тобола в Иртыш. Мы шли по Туре и Тоболу в основном среди дикой тайги с редкими остановками, чтобы набрать из стоящих на берегу поленниц дров для кочегарки. Во время стоянок нам давали галеты, которые мы запивали речной водой, и какие-нибудь консервы. В это же время мы менялись поочередно местами с товарищами, бывшими на барже и там спали до следующей стоянки, и потом снова менялись местами. Многие, особенно малыши, как только спускались по сходням, падали на землю и тут же засыпали, их приходилось будить, чтобы поели. А нескольких малышей капитан и члены команды устроили в своих каютах. Воспоминания тяжелые... В Тобольске, стоящем на высоком берегу Иртыша, бывшем месте ссылок, представлявшем очень большое красивое село с несколькими церквями, мы пробыли более суток. За это время нас пересадили на большой колёсный очень просторный пароход “Фортуна”, где каждый из нас имел лежачее место на нарах, и благодаря этому имел возможность прежде всего отоспаться. В это время нашу баржу прицепили к “Фортуне”. Затем полдня мы осматривали город, дом Распутина, а также дом, где до перевода в Екатеринбург содержался Николай Второй со своей семьей. Там сохранилась газета с фотоснимками его продовольственной карточки, где в графе “профессия” было написано: “бывший император”. После экскурсии мы перетащили с баржи все наши личные вещи, из которых устроили себе постели: заплечные мешки в наволочках были подушками, под простыней вместо матраса были уложены наши зимние вещи в сениках, а сверху покрывались своими одеялами. Конечно, столовой не было, ели на своих нарах, но зато горячую пищу, приготовленную на камбузе парохода. Во второй половине дня мы пустились в дальнее плавание по Иртышу, затем вверх по Оби, наконец, по Томи мы прибыли в Томск. Это плавание протяженностью около 2000 километров протекало очень медленно и длилось немного менее 3 недель, но вспоминается с удовольствием. Теперь мы фактически не терпели лишений. Зато длительные стоянки, снова связанные с погрузкой дров, у маленьких пристаней, вокруг которых простиралась дикая тайга, доставляли нам много радости. Кедровые шишки с орехами, которые можно было сбивать и собирать у самой пристани, а для обильного сбора всевозможных ягод и грибов достаточно было прогуляться в радиусе 100 метров от пристани. Это ли не радость для ребят!

А такого обилия рыбы, как в этих больших таёжных реках, я никогда и нигде больше не видел в жизни. Мы снимали штаны и обувь, брали пустой матрасный мешок, входили в воду, погружая только ноги, и шли против течения вдоль берега, держа открытый сеник, два-три метра, и мы вытряхивали на берегу рыбу,

отпуская мелкую обратно в реку. После двух-трех заходов у нас двоих набиралось полное ведро крупной рыбы: сомов, щук и др.

Если учесть, что на стоянках рыбаков-любителей было не два и даже не 20, а больше, и за 10 - 15 минут вылавливали они не одно ведро, становится ясным примерный объём улова на стоянке. С грибами и ягодами дело обстояло примерно так же. Все эти дары природы, кроме кедровых орехов, съедавшихся в своей группе, сдавались в хозчасть и возвращались колонистам в виде вкусной пищи из свежей рыбы, грибов и ягод.

У меня, как и у некоторых других ребят, был взят с собой из Петрограда простейший в то время фотоаппарат “Кодак”, легкий в обращении, с приличным объективом и хорошими видоискателями, снимавший на пленку 6 на 9 сантиметров. Запас пленки у меня был из Петрограда, а в Екатеринбурге он еще пополнился. Поэтому понемножку я и другие любители фотографировали интересные моменты, а также группы своих товарищей. На пароходе было небольшое количество книг, которые нарасхват читались. Кроме, привезенных ребятами из Петрограда собственных струнных инструментов, наши музыканты захватили из Тюмени подаренные американцами инструменты, поэтому на перегонах они устраивали сыгровки, а иногда под музыку нашего оркестра на палубе были танцы. В общем, всё же скучая на перегонах и радуясь на стоянках, мы, наконец, добрались до Томска, где нас ждал большой, оборудованный нарами, товарный состав, предоставленный Американскому Красному Кресту, где уже какое-то время ожидали только нас.

В вагонах уже расположились наши американские руководители, директор Дежорж со старшими ребятами, вся первая колония и наши 2-я, 3-я, 4-я и 9-я группы из Ирбита и Томска. Теперь обе колонии были в сборе, но не в полном составе. В Тюмени всё же остались шесть человек, которым удалось спрятаться в момент нашей эвакуации. Это были воспитатель 5-ой группы, учитель 3-го Реального Училища, Николай Матвеевич Григорьев со своим 11-летним сыном Сашей и еще четверо колонистов. Как потом мы узнали, вскоре организованная в Тюмени Советская власть предоставила им для возвращения в Петроград и доставки туда всего американского добра, оставшегося на складе, отдельный товарный вагон. В Петрограде они сдали большую часть привезенного, но и им осталось более чем достаточно. А в Томске, после перегрузки груза с нашего парохода и баржи и размещения нас по вагонам вскоре к нашему составу прицепили паровоз, который сразу же потянул эшелон на Восток. Это было уже в августе.

Скучный длинный долгий, протяженностью около 5000 километров, путь должен был привести нас во Владивосток. Ехали медленно, нудно, с длительными остановками даже на полустанках. Питания, хотя в значительной части из американских консервов, в том числе и сладких фруктовых, мы получали более

чем достаточно. Однако на станции некоторые ребята продавали какие-то вещи – то ли собственные, то ли выданные американцами, то ли присвоенные ими со склада во время эвакуации. На эти деньги они покупали лакомства, а иногда и папиросы. Курение среди мальчиков не было тогда в моде, но не преследовалось, и курильщиков было не много. Все воспитатели ехали в вагонах со своими группами, и они, и американцы, по-видимому, знали о случаях продажи вещей, но смотрели на это сквозь пальцы. В вагонах были шашки, шахматы, передавались из вагона в вагон книги. Ребята играли, читали, болтали, в общем коротали время в пути. С большим интересом мы наблюдали окружающий нас ландшафт, когда оглядая озеро Байкал, поезд шёл у самой воды, почти вплотную к подходившим к железнодорожному полотну скалам, часто проходя через них длинными туннелями. А на станции Слюдянка, где под ногами была только слюда разных цветов и оттенков, ребята набили карманы слюдяными сувенирами. Когда же мы проезжали через Маньчжурию по Восточно-Китайской железной дороге, в то время еще принадлежавшей России и обслуживающейся русскими, нас предупредили, что там повсеместно, особенно в Харбине, свирепствует эпидемия холеры, и было категорически запрещено не только покупать что-либо на станциях, но и общаться с местным населением, маньчжурами и китайцами. Холерой нас напугали, и мы почти не выходили из вагонов.

В дороге американец Вудс вместе с воспитателями во время длительных стоянок на больших станциях организовывали поочерёдные походы в баню, а также ежедневный контроль личной чистоты и гигиены колонистов. Кроме того, при продолжительных остановках он вытаскивал мячи, ракетки, биты и проч., лично участвуя, учил нас играть в бейсбол, организовывал игры в футбол, волейбол, просто в мяч, теннис, соревнования в беге, а при наличии водоемов – ватерполо, где командовал опытный спортсмен-пловец 16-летний Егоров. В этих случаях никто не имел права исчезать из поля зрения Вудса и воспитателей, чтобы не остаться после отхода поезда, машинист которого перед отправкой давал с интервалами 3 сигнала: один, два и, наконец, три гудка. Так что из 800 ребят ни один нигде не остался.

И вот уже в солнечный теплый день мы, наконец, прибыли в пригород Владивостока, на станцию Вторая Речка, где в ожидании расселения некоторое время жили ещё в эшелоне. Я же в первый день прибытия почувствовал себя плохо, затем потерял сознание, стал бредить. В нашем эшелоне в лазарете теперь кроме Марии Яковлевны был врач-американец и две медсестры, тоже американки.

Первой прибежала Мария Яковлевна, измерила температуру, оказалось около 41 градуса. Пришел врач, велел немедленно изолировать меня от остальных ребят, которые стеснились во второй половине вагона. А через несколько часов стараниями Брэмхолла, занимавшегося в это время подготовкой жилья, был освобождён маленький кирпичный домик, в котором был оборудован лазарет на 3

койки. Несколько старших ребят по инициативе брата Гриши перенесли меня из вагона в лазарет на развернутом одеяле, держа его за углы и края. Во время транспортировки я пришел в себя и спросил, куда меня несут, а потом опять потерял сознание. В бессознательном состоянии, изредка приходя в себя, я был около четырёх суток. Мария Яковлевна и две сестры дежурили около меня круглые сутки. Предварительно врач поставил диагноз – тиф, а через несколько дней уточнил – паратиф. Желающих навестить меня было много, но никого не пускали, в том числе и Гришу. Но постепенно я стал поправляться, хотя сильно ослаб. В лазарете я был единственным больным и пользовался большим вниманием медперсонала, благодаря чему уже через три недели смог вернуться в группу. И к этому же времени Брэмхолл закончил подготовку нашего жилья, и началось расселение. Мальчики, ученики последних трех классов со своим воспитателем Дежоржем остались на Второй Речке в большой кирпичной одноэтажной казарме, полностью оборудованной для ночлега, питания и занятий, но учиться должны были ездить в город. Девочки тех же старших классов были размещены так же с педагогами в самом Владивостоке, где продолжали учиться в женской гимназии. Всех остальных ребят разместили на Северном склоне гористого Русского Острова, расположенного в семи километрах к югу от Владивостока в бухте Золотой Рог, в шести больших кирпичных одноэтажных казармах, стоящих попарно на трех террасах сопки острова. Остров размером 15 на 12 километров, основным рельефом которого были небольшие возвышенности – сопки, был покрыт главным образом кустарниками, в том числе диким чёрным кислым виноградом, и в небольшой мере, мелколесьем, с южной стороны омывался заливом Петра Великого. В царское время на острове были форты, гарнизон которых, по-видимому, размещался в наших казармах.

Эти форты давно были засыпаны землей, заросли травой и кустарниками, но в нескольких казематах располагалось теперь небольшое подразделение японских солдат, несущих возле них караульную службу, охраняя, неизвестно что. Возле берегов кое-где виднелись единичные и очень редкие избушки-фанзы китайских и корейских рыбаков, выходивших на промысел в маленьких почти прямоугольных корытах-джонках или “Юли- Юли”, как их в шутку называли, так как единственное весло на корме двигало их не только поступательно, но и с ритмичными колебаниями в стороны. А для использования ветра на небольшой мачте дополнительно поднимался почти квадратный парус.

Несколько в стороне от наших казарм, примерно на расстоянии одного километра, стояло длинное деревянное, обшитое крашеными досками с резными украшениями здание, над которым развевались два флага, один – белый с красным крестом, второй – звездно-полосатый, американский. Говорили, что раньше там было офицерское собрание, а теперь в нём размещался госпиталь Американского Красного Креста, вокруг которого стояли необходимые службы и домики

персонала. Ниже наших казарм на берегу была пристань, обслуживающая маленький паровой катер, он же паром, дважды в сутки обеспечивавший сообщение с Владивостоком. Наши казармы, попарно, располагались в одном створе на расстоянии между их торцами порядка 50 метров. Верхние две были отведены для мальчиков, на средней террасе одна была для девочек, а вторая – для персонала и управления, а нижняя одна казарма была занята под кухню и столовую, а во второй помещался небольшой лазарет с амбулаторией, спортзал и кладовые. Здесь уже прежнее деление колоний на группы исчезло, обе колонии были объединены и разделены по принадлежности к учебным классам. В нашей казарме расположился многочисленный наш 4 класс: 12-ти и 14-ти летние ребята и 1 класс: мальши 8 - 10 лет, а в соседнем здании – второй и третий классы. Все воспитатели жили с нами, каждый – в одной из трех комнат в торцах казарм, а четвёртая была умывальной. Основное казарменное помещение днём освещалось окнами с обеих сторон здания, вечером – электрическими лампочками, питаемыми от электростанции американского госпиталя. Посередине вдоль здания был очень широкий проход, в котором стояли длинные столы, а на столбах по бокам прохода висели классные доски. В пролётах между столбами и наружными стенами размещались в несколько рядов и в два яруса кровати, между которыми стояли шкафчики и табуретки. Днём последние выносились в середину к столам, где с утра после зарядки и завтрака велись классные занятия. Они проводились всем педагогическим персоналом колонии, который во Владивостоке был в небольшой мере пополнен, в том числе нашим новым воспитателем и преподавателем математики Сергеем Владимировичем Котовским, вдовцом, вместе с которым жил его пятилетний мальчик. Сергей Владимирович был добрым, культурным человеком, эрудированным преподавателем, пользовался у нас уважением и авторитетом, но все же, хотя и не со зла, получил кличку “чернильница”, только за то, что у него на лице было небольшое черное, видимо, родимое пятно. Надо сказать, что из руководящих американцев доктор Коллес и мистер Вудс, не в пример остальным, говорили по-русски, хотя с акцентом и коверкая слова. И вот они вместе с русским директором Дежоржем в первый же день учебы сразу по окончании уроков пришли в наш четвёртый класс для беседы с нами. Они сказали, что здесь на Русском Острове мы являемся старшими в колонии, это возлагает обязанности, а также даёт права.

После всех пережитых трудностей колонистов даже самые маленькие стали самостоятельными людьми, обретя при этом чувство товарищества и дружбы между собой, поэтому американское руководство, обеспечивая колонию всеми необходимыми материальными ресурсами, хотело бы предоставить колонистам возможную самостоятельность и самообслуживание, ну, конечно, не в ущерб учёбе, нормам поведения, чистоты и гигиены, т.е. дать определенные элементы самоуправления. Ведущую роль в нём должны играть старшие ребята, которые в

этом деле должны стать организаторами, контролёрами, и вместе с тем, помощниками воспитателей, занятых теперь ещё и преподавательской работой. Организация всех спортивных и культурных мероприятий ложится в первую очередь на нас, старших, так же как наблюдение за порядком и чистотой в столовой и жилых помещениях, за повседневным поведением, посещаемостью занятий, персональной чистотой и гигиеной колонистов, учитывая, что личный пример и совет старшего товарища более действенный, чем назидания воспитателя. Нам предоставлялось право отстранения нарушителей установленного порядка от участия в спортивных и культурных мероприятиях. В жилых помещениях колонистов уборку вне учебного времени производили очередные дежурные от каждого класса, следившие также за аккуратным содержанием постелей и чистотой в умывальной.

В столовой за длинными столами со скамейками по бокам все места были закреплены, и очередной дежурный от каждого стола получал из кухни пищу, приносил и раздавал её. Уборка столовой выполнялась дежурными от старшего класса девочек. От нашего старшего класса мальчиков ежедневно выделялись два куратора, следившие за порядком в столовой во время трехразового питания и осуществлявшие контрольные обходы жилых помещений. Стирка белья всегда производилась в механизированной прачечной госпиталя, а починка и сортировка белья выполнялась девочками. Всё это было предметом обсуждения на нашем совещании. А на следующий день мы и все другие мальчики по указанию мистера Вудса и его помощника, бывшего моряка Сагайдачного Бориса Яковлевича, приступили к очистке и подготовке площадок для волейбола, баскетбола, футбольного поля и беговой дорожки вокруг него. Через три дня всё было готово. Ребята, получая у Сагайдачного по записи инвентарь, уже с увлечением занимались не только этими играми, но и городками, бейсболом и бегом. А вскоре организовался струнный оркестр на базе нашего класса, часто проводивший репетиции и маленькие концерты. А по субботам после ужина в столовой столы и скамьи раздвигались к стенкам, и под его музыку устраивались танцы, в которых участвовали почти все колонисты. Иногда по воскресеньям привозили кинофильмы, которые демонстрировались в столовой на повешенном на стену экране из сшитых простыней.

Во Владивостоке мы почти не бывали, я ездил два раза с экскурсиями по городу и музеям, и два раза с Сагайдачным в клуб моряков. На Русском Острове нас было более 600 человек, и экскурсии проводились поочередно по классам. Осень 1919 года там была сухая, прохладная, зима началась в декабре. Приехав в сентябре, мы еще купались в море, застали ягоды черного дикого винограда на кустах, и после занятий разбредались по острову, собирали и ели с удовольствием кислые ягоды. И вот, в процессе этого занятия, однажды, двое ребят из нашего класса нашли в кустах покрытый тонкими каменными плитами и сверху частично

дёрном, подземный ход. Они снова закрыли его, заметили место, а на следующий день мы большой компанией, приготовив факелы и спички, отправились туда в поисках приключений. Оказалось, что под фортами громадная разветвленная сеть ходов со многими подземными складами, в которых в ящиках хранились новенькие смазанные винтовки со штыками, а также в ящиках обоймы с патронами. Тут же подручными средствами, разобрав винтовки, вынув затворы, мы, оторвав нижние кромки сорочек, этими тесёмками привязали к ногам под нашими клёшами отдельно ложа и стволы, а затворы и патроны положили в карманы. С этими трофеями, снова завалив подземелье, мы, прихрамывая, возвращались домой, когда нас у одного из фортов окликнул японский часовой. Некоторые ребята еще на Второй Речке научились нескольким японским словам. Стараясь не хромать, мы медленно подошли к молодому солдату, который был почти нашего роста. В то время японцы были самыми низкорослыми из народов Дальнего Востока и только теперь за счёт акселерации их средний рост стал приближаться к европейцам. Лицо солдата расплылось в улыбке, когда он услышал японские слова “доза сигарет”, то есть “дайте сигарету,” Солдат моментально вытащил пачку, угостил каждого сигаретой, которые мы не закурили, а положили за ухо. Затем, поблагодарив его опять по японски “аригато” и похлопав друг друга по плечам, мы отправились благополучно домой.

Надо сказать, что некоторое время тому назад в нашу группу 4-го класса пришел доктор Аллен с переводчиком, собрал нас и сказал, что мы должны иметь свой “клуб старших”, где могли бы обсуждать свои вопросы, играть, читать и т.д.. Для этого он предложил нам большую пустующую комнату в торце нашей казармы, с тем, чтобы отделку и меблировку её мы бы сделали своими силами, причем для этого нам будут даны списанные, но выстиранные суконные одеяла и ватники, необходимое количество цветной бумаги, нужные инструменты и деревоматериалы. Через неделю клуб был готов – стены с развешанными музыкальными инструментами и набросками наших домашних художников, два больших угловых дивана, солидное количество пуфиков и другие мягкие сидения, обитые сукном с подложенными на них ватниками, два стола, покрытых скатертями из темной бежевой бумазеи, на них шахматы, шашки, журналы и, наконец, люстра из бумажных китайских фонариков. Наш воспитатель Котовский пригласил на новоселье американцев, которые принесли различные сладости и были в восторге от нашего клуба, вход в который разрешался только колонистам 4 класса. И вот в этот клуб мы принесли винтовки, уложили их под диваном, потом собрали весь поголовно 4-ый класс, и при закрытой двери доложили о нашей находке. Все до одного дали слово, что ни одна душа о винтовках не узнает. А о штыках, которые мы решили оставить себе для ловли крабов, решили сказать, что нашли в кустах, упакованными в ящиках и засыпанными в какой-то яме, место которой, мы не запомнили. То, что к нам в

колонию наведывались по ночам посланцы Красных партизан, геройски боровшихся в сопках Приморья с белогвардейцами, мы догадывались, но с кем они были связаны, мы не знали, а нам ведь нужно было передать им винтовки. Однако винтовки через два дня непонятным образом исчезли. А через день Миша Коллин сказал, что винтовки ушли по назначению. Его не расспрашивали, но все поняли, он имеет отношение к этому делу, после чего за винтовками и патронами отправлялись еще несколько экспедиций. И каждый раз оружие быстро исчезало. Штыками же были обеспечены не только четвёртый, но и третий класс. После исчезновения последней партии винтовок, во время обеда, столовая была оцеплена белыми солдатами, а офицеры вошли внутрь и произвели очень тщательный обыск, но ничего не нашли, но доставку винтовок пришлось прекратить.

Оставшиеся же у нас штыки сразу нами использовались. Их насаживали на длинные палки для охоты на крупных крабов. Погоды стояли солнечные, и вода в море была достаточно тёплой, и почти все ребята еще купались, правда, младшие классы под присмотром воспитателей. Каждая охотничья бригада состояла из 4 человек. Двое раздетые были в воде по пояс, причем один из них быстро переворачивал большой, но облегченный в воде камень и отбегал в сторону. А второй, как только исчезала поднятая муть, и видел выползающего из под камня большого краба – маленьких не брали — ударял его сверху штыком, пронзая насквозь, поднимал его и с большим размахом сбрасывал его на берег, где третий член бригады, быстро и ловко прижимая пробитый панцирь к земле, вырывал клешню, остерегаясь второй клешни, которой краб мог перепилить палец и кость, затем уже безопасно вырывал вторую клешню и широкий хвост, называемый шейкой. Четвёртый заранее разводил костёр, в ведре кипятил воду и бросал в неё клешни и шейки. А после готовности всё выкладывал в рюкзак. Члены бригады потом менялись местами. Добыча была обычно обильной, крабы с туловищем диаметром 25 - 40 сантиметров имели клешни подчас величиной с человеческую руку. Немного деликатесного мяса краба ребята съедали на месте, а остальное в рюкзаках и в ведре приносили в казарму для общего дележа, иногда часть улова относили девочкам.

Однажды, во время такой охоты вдали от пристани на берегу мы увидели большую, занесённую песком корабельную шлюпку, о чём доложили Сагайдачному. Он, бывший моряк, также заинтересовался ею, и на следующий день вместе с ним, взяв с собой лопаты, мы откапывали шлюпку. Это оказался большой восьмивесельный вельбот, с которого, конечно, была снято всё, что можно. Он требовал ремонта: шпаклевки, смоления, окраски и, конечно, восстановления всей парусной и гребной оснастки. Сагайдачный тут же предложил организовать команду мореходов, согласившись возглавить ее. 18 наших ребят, в том числе и я, сразу стали членами команды. Работа на вельботе пошла полным

ходом. Вместо стершейся надписи корабля, мы в первую очередь написали на верху носовой части “ПДК” (Петроградская детская колония). Конечно, все эти занятия – сбор винограда, охота на крабов, вельбот, футбол, которым я увлекался, проходили не в ущерб учебе. По мере приближения зимы отпали виноград и крабы, но остались вельбот и футбол.

Эта игра в те годы не имела ограничений по грубости, и поэтому на голених под чулками мы обычно привязывали самодельные щитки-шингарды. Я был довольно крепким и всегда играл в защите. Однажды, перед самой зимой на футбольном поле образовалась свалка, в которой я оказался внизу, а когда все поднялись, то у меня одна нога потеряла управление, настолько, что я не мог идти. Ребята под руки отвели меня в лазарет, откуда сразу на коляске отвезли в госпиталь. Штат госпиталя был большой. Кроме одного русского доктора Ракитина, все врачи и медсестры были молодые американцы, говорившие по-русски лишь несколько слов, необходимых для осмотра больных. Среди больных был только один американец, помещенный в отдельную палату, пятеро русских, служащих Американского Красного Креста, один русский пятнадцатилетний кадет и более двадцати военнопленных немцев.

Одна из сестер говорила немного по-немецки, с ней у меня установился контакт, и она обучала меня английскому, точнее американскому языку, дала мне толстую тетрадь, в которую я записывал русскими буквами американские слова, как слышал, и, конечно, русский их перевод. Сразу по прибытии в госпиталь мне дали костыли, предварительно обрезав их по моему росту. Я быстро освоил их и разгуливал по всем палатам и комнатам сестер. Доктор Ракитин сразу же взял меня в качестве переводчика при осмотре немцев. А через пару месяцев моего усиленного изучения английского я стал выполнять эти же функции у американских врачей при осмотрах и немцев, и русских.

Отношение персонала ко мне было очень хорошим, нередко они угощали меня сладостями и фруктами. С больными у меня также сложились добрые отношения, тем более, что я всегда помогал, чем мог, лежачим. Исключением был кадет Бахтин, помещавшийся вместе с еще двумя русскими в одной со мной палате. Этот мальчик болел, кажется, язвой желудка, он был недалек и заносчив, гордился своим дворянским и офицерским происхождением, был мало начитан и плохо знал литературу, но зато был силен в истории и хронологии всех царствований и войн. Он был преданным, убежденным монархистом, врагом большевиков и антисемитом, говорил, что каждый еврей – большевик, и вся зараза большевизма пошла от евреев. Я либо не разговаривал с ним, либо поддевал, выставляя напоказ его глупость, при сочувствии моих соседей, симпатиями которых он также не пользовался.

Лечили меня усиленно и добросовестно. Было установлено, что поврежден в тазобедренном суставе нервный узел, управляющий движениями ноги. В общем,

я получал ванны, уколы мышьяка и еще что-то, а также ряд электропроцедур. Библиотеки в госпитале не было, но доктор Ракитин приносил мне интересные книги, которые я быстро проглатывал. Свободного времени было много, и я интенсивно изучал английский, а вечерами меня приглашали к себе в дежурную комнату сестры, которым я помогал распределять на подносах лекарства, а главное – я практиковался в разговорной речи, причем они отмечали мои успехи. Соня, Гриша и многие мои товарищи навещали меня, приносили мне учебники и задания, чтобы я хоть не сильно отстал от них, сообщали мне новости. Через три месяца меня вылечили, и я с благодарностью распрощался с персоналом госпиталя, благодаря которому я не только вылез, но мог уже вести по-английски простой разговор. В колонии мне пришлось крепко нажимать на учебу, чтобы догнать товарищей.

Увлечение футболом начисто исчезло, но вельбот остался, его восстановление подходило к концу. Сагайдачный, узнав, что я немножко “маракую” по-английски, в то время как он сам говорил по-немецки и по-французски, взял меня с собой во Владивосток в клуб моряков, чтобы раздобыть у них некоторые недостающие детали. В клубе было полно людей различных национальностей, и Борис Яковлевич быстро решил свои дела, но надо было приехать снова, чтобы получить детали. Во второй раз, опять со мной, в клубе он быстро закончил дела, После чего мы долго гуляли по Владивостоку, по главной Светлановской улице с высокими европейскими домами, шикарными магазинами, полными заграничных товаров, также по другим местам, в том числе, по корейской улице, полной притонов, курилен и публичных домов, в окнах которых японки, китайки и корейки появлялись, привлекая посетителей. Город был полон иностранными военными: японцами, англичанами и американцами, чехами, в небольшой мере – французскими моряками. Среди штатской публики было много японцев, китайцев и корейцев. В городе, являвшемся центром Приморья, или, как одно время его называли, Дальневосточной Республики, за время нашего пребывания, сменилось несколько правительств разных правых толков под покровительством тех или иных интервентов. Зимой же большая группа японских войск пыталась захватить власть в свои руки, но чехи, большое количество подразделений которых стеклось сюда, чтобы вернуться домой морским путём, выступили против японцев. Командовал ими 28-летний бывший офицер Гайда, после восстания чехов, ставший генералом. В городе произошли большие бои с крупными потерями с обеих сторон, в результате чего японцы отказались от своего намерения и установили очередное марионеточное правительство. А в начале 1920 года оно было заменено полудемократической земской управой. Весь край же, фактически, был под контролем скрывавшихся в сопках Красных партизан. В это время адмирал Колчак, добравшийся до Иркутска, был там схвачен чехами, передан Советским органам, которые вскоре расстреляли его.

Однако связь Дальнего Востока с Советской Россией была более чем ограничена, так как в Забайкалье на Транссибирском пути продолжали бесчинствовать банды казачьего атамана Семёнова, которые еще долго держались там.

Зима 1919 - 20 года была короткой, и весна наступила рано. Вельбот был уже полностью отремонтирован и оснащён не только вёслами и рулём, но и мачтой с такелажом для кливера и грота, парусину на которые где-то раздобыл Брэмхолл. На вельботе имелись сигнальные фонари, на носу маленький колокол, по образцу американских шлюпок, и брезент для тента на случай дождя. Постепенно удлиняя свои прогулки с Сагайдачным, мы огибали весь Русский Остров, а также остров Аскольд, выходили в открытый залив Петра Великого, а также изучали практически и теоретически по добытым Борисом Яковлевичем лотциям все окружающие фарватеры. Также изучили сигнальную азбуку Морзе и “Семафор” и практиковались в передачах по ним. Даже однажды предотвратили катастрофу, когда моторный катер американцев на полном ходу летел на подводную каменную гряду вблизи островка “Ослиные уши”. Подал сигнал колоколом, а затем по “Семафору” – Опасность!!! и Стоп!!! – мы вовремя предупредили американцев, которые сразу же отвернули и остановились, а потом подошли к нам и благодарили за предупреждение. В другой раз трое китайских рыбаков не заметили приближающегося кратковременного шквала и, не спустив парус, оказались в воде, выброшенные из перевернувшейся лодки. Шквал прошёл, у нас парус был спущен, мы подошли к ним на вёслах и вытащили их на борт. Они начали на своём полурусском, полукитайском жаргоне просить не бросать их судёнышко. Переворачивать его среди моря мы не рискнули, но дали им трос, они привязали его к своему перевёрнутому корыту и на буксире притащили его к фанзе. Таким образом наша праздная мореходная затея получила реальные оправдания. Вода была тёплая, и в мае мы уже купались.

В четвёртом классе я быстро догнал своих товарищей и стал одним из лучших учеников, хотя из-за этого не просиживал брюки. Наверное, помогли гены медалистов, папы и мамы. А окончание учёбы и получение табелей наши американские руководители решили отметить праздником с танцами и маскарадом. Выдали колонистам 3-го и 4-го класса необходимое количество дешёвой цветной ткани, предоставив их фантазии и умению сделать себе интересные костюмы. Целая неделя прошла в этой творческой работе, в которой активное участие принимали и младшие ребята. Мне помогала моя сестра Соня, второклассница, выполнившая большую часть швейной работы на руках по изготовлению костюма сказочного принца.

Вечер с серпантинном, конфетти и призами за лучшие костюмы удался на славу, в нем принимали участие все колонисты, персонал Русского Острова и большая часть ребят со Второй речки и из Владивостока. Предшествующий вечеру ужин тоже был на высоком уровне с прохладительными напитками и

фруктами. Надо сказать, что питание вообще было хорошим, хотя часто появлялась самая дешёвая на Дальнем Востоке рыба в разных вариантах, которая называлась кета. Уловы её тогда были так велики, что мелкая рыба не шла в пищу, а использовалась в Японии в качестве удобрения.

Между тем, начались различные слухи о возвращении колонии домой в Петроград. Проезд по железной дороге, где орудовал атаман Семёнов, отпадал. Поэтому догадки и домыслы шли о выборе морского пути домой. Наши американские руководители серьёзно думали об этом. Русские корабли брались с бою белоэмигрантами всех мастей, спешившими покинуть родину, поэтому шансов зафрахтовать их для вывоза колонии не было, а фрахт любого иностранного судна надо было оплачивать валютой. Руководитель хозяйственных дел колонии располагал значительным денежным фондом, но в деньгах царского и временного правительства, т.е. в романовских и керенках. Он поехал в Харбин и там, путём разных комбинаций, сумел выгодно поменять эти по существу “бывшие” деньги на реальные доллары. Этих денег оказалось достаточно, чтобы зафрахтовать и полностью переоборудовать для перевозки детей большой, водоизмещением 10.000 тонн, японский угольщик “Иомей-Мару”. Всё это Брэмхолл проделал быстро и хорошо, со свойственной ему энергией. 13 июля 1920 года, погрузившись на “Иомей-Мару”, мы распрощались с Владивостоком и с нашим другом и руководителем Борисом Яковлевичем Сагайдачным, которому на память оставили вельбот. Наш корабль даже после полного его преобразования не выглядел, конечно, роскошным пассажирским лайнером, но всё необходимое для путешествия на нём было предусмотрено. Пароход за короткий срок был оборудован мощной системой вентиляции, холодильниками, пекарней, большой современной кухней, лазаретом и амбулаторией. В нижних трюмах, кроме больших запасов угля и пресной воды для длинного путешествия, кочегарки и машинного отделения, помещались склады провианта, вещей и подсобные службы. Жильё было оборудовано в верхнем этаже трюмов. Здесь, в середине верхнего этажа, под большими, открытыми в хорошую погоду люками, стояли длинные, привинченные к полу столы со скамейками, за которыми мы ели, читали, писали, играли в шашки и шахматы, а вокруг до самых бортов в несколько рядов, с проходами, были установлены двухъярусные деревянные койки с матрасовками и постельным бельём. Трюмы сообщались между собой и имели трапы для выхода наверх.

Часть русского обслуживающего персонала из местных жителей осталась во Владивостоке, и поэтому один трюм был заселён несколькими десятками возвращающихся на родину военнопленных немцев. Они работали на корабле поварами, пекарями, санитарями, механиками на вентиляционных и холодильных установках, уборщиками и подсобными рабочими. Всего в нашем “Ноевом Ковчеге” оказалось свыше 900 человек, из них 800 ребят. Через два дня мы

пришли в небольшой японский порт Муроран, где простояли три дня, и очень интересно и насыщенно провели время. Мы осматривали город, где многоэтажные современные дома чередовались с японскими домиками из бамбука и бумаги, шикарные автомобили – с полуголыми рикшами, бегом тащившими своих пассажиров в колясочках; модные европейские костюмы, даже фраки, цилиндры, лаковые туфли – с национальными кимоно и деревянными дощечками на ногах. Мы видели чайные домики и красивых миниатюрных гейш. Мы побывали в местном музее и посетили пару школ, где наблюдали уроки джиуджитсу и дзю-до, причём ученики, очень уважительно относившиеся к своим учителям, и, вообще, ко всем взрослым, подчас бросали на пол своего учителя. Нас маленькие японцы встречали очень приветливо, а взрослые дарили веера и фонарики, а также угощали местным лакомством – кусочками медузы, обсыпанными сахаром. Вечерами же город расцветивался не только электрическими фонарями, но и разноцветными фонариками.

Курс нашего плавания лежал через Тихий океан, Панамский канал и через Атлантику в Европу. Наш корабль, хоть и был угольщиком, был современным кораблём и делал 10 узлов т.е. 18 км в час. Следующая стоянка намечалась в Сан-Франциско, до которого оставалось около 9.000 км, в лучшем случае три недели пути. В это время, помимо утренней зарядки, трёхразовой еды, чтения, игр, мы много времени проводили, стоя у борта, любуясь сюрпризами океана: прыгающими дельфинами, летающими рыбами, китами, акулами, непрерывно крутящимися вокруг корабля и хватающими любой выброшенный предмет. А тёмными вечерами мы любовались поверхностью воды, светящейся от мириад фосфоресцирующих микроорганизмов. Но океан преподносил и другие сюрпризы. Дважды были не сильные и не долгие штормы, когда большинство ребят, да и взрослых, держась за борт и перегнувшись вниз, “травили” – это была морская болезнь, которая при качке выворачивает у человека внутренности. Даже после качки больные не могли есть, а зато здоровые съедали за них по две порции вкусной еды. Соня и я, к счастью, от качки не страдали, но всё же в трюме, особенно при килевой качке, усидеть не могли. Во время штормов, шквалов и непогоды все люки быстро покрывали решётчатыми щитами и задраивали привязываемыми брезентами.

А за несколько дней до прибытия в Сан-Франциско произошла трагедия, маленькую второклассницу Александрову укусила смертоносная муха “це-це”, и, несмотря на все усилия врачей, девочка вскоре скончалась. В условиях жаркой погоды, когда даже по раскалённым железным плитам палубы невозможно было пройти босиком, довести её тело до стоянки, чтобы там предать его земле, оказалось не реальным. Девочку, завернутую в простыню, привязанную к доске с грузом у ног, под звуки траурного марша опустили в океан.

Безудержно рыдал её братишка, Петя, плакали все девочки, большинство мальчиков и многие взрослые.

Я же на корабле оказался не только пассажиром, но и служащим. Сразу же после отплытия из Мурорана меня вызвал наш мистер Аллен, знавший, что я кроме поверхностного знания английского владею и немецким, предложил мне работу в трюме военнопленных немцев. Они, например, обратились к нему с просьбой освободить их от обязанности расставлять перед каждым колонистом чистую посуду и приборы и потом убирать грязную, нести её в механизированную мойку. Я мог быть полезен вообще в качестве переводчика при разговорах американцев с немцами. Немцы, несмотря на длительный плен в России, только в редких случаях научились понимать и немного говорить по-русски. В колонии было много ребят из Петершуле, говоривших по-немецки, но Аллену, видимо, нужен был мой плохой английский. Он обещал мне какое-то количество долларов, сколько, не помню, но я сказал, что готов и без долларов поработать. Немцы питались не одновременно с колонистами и получали еды больше, но более низкого качества. Они встретили меня приветливо, и всегда относились ко мне хорошо, стараясь угостить меня чем-нибудь вкусным. В их рационе было мало хлеба, но преобладали консервы из говядины, свинины, сосисок, колбасы с овощами или бобами, горохом, фасолью. Мы же получали свежий хлеб и булочки, консервированное сладкое молоко с зерновыми хлопьями, консервированные овощные, мясные и постные супы, много консервированных фруктов и немного мясных блюд с гарнирами из консервов. Всё было вкусно и питательно.

На корабле я подружился с 22-летним японским третьим механиком корабля по имени, кажется, Икасуто, который также, как я, говорил по-немецки и немного по-английски. Мы частенько, когда он был свободен от вахты, а я – от своей работы, подолгу сидя в его каюте, беседовали, в основном, по-английски для практики. Рассказывали друг другу о себе, о своей жизни дома. Его интересовали наши обычаи, а меня – японские. Иногда он просил меня учить его русскому, и записывал каждое слово. Ростом он был чуть выше меня. Мы обменялись фотокарточками с памятными подписями. Возрастной разницы между нами мы не чувствовали, Он был начитанным и знающим, при этом очень непосредственным, что и подкупало меня.

Перед портом Сан-Франциско к нам подъехал катер, к нему спустили трап, по нему поднялся на корабль американский лоцман, который взял на себя командование кораблём при входе в порт. Вскоре вокруг “Иомей Мару” появились маленькие моторные лодки с энергичными и прычливыми американскими корреспондентами, постоянно ищущими сенсации. Они фотографировали корабль и нас, стоящих у бортов, до момента причала, а потом и нашу высадку на берег. Комфортабельными автобусами мы через весь город были доставлены на

окраину в военный городок. Сан-Франциско оказался сказочно красивым городом, с пальмами, фонтанами, черно-зеркальным асфальтом улиц и площадей, красоту которых не могли испортить даже дома-небоскрёбы. Казармы американских солдат оказались культурными общежитиями, с хорошими кроватями, покрытыми белоснежным бельём и урсовыми одеялами с накидками, хорошими удобными шкафчиками, были столы с белыми скатертями и цветы.

Питание, которое мы получали из солдатского котла было разнообразнее, содержательнее и вкуснее даже нашего хорошего стола на корабле. Творог, кисломолочные продукты, масло, сыры, сливки, сладкое молоко, различные закуски, булочки, кофе, какао, томатные и овощные супы, бифштексы, рулеты, ростбифы, рыба в разных вариантах, фрукты свежие и в сиропе, абрикосы, виноград, персики, манго, груши, шоколад и т.д. Американская армия комплектовалась только из волонтёров, весьма прилично оплачиваемых, которым предоставлялись хорошие бытовые условия. В Сан-Франциско мы пробыли только три дня, но провели их очень интересно, осматривали громадный город, его достопримечательности, музеи, А коронным номером была встреча с русскими эмигрантами - по приглашению муниципалитета города в огромном зале здания муниципалитета. Мы с трудом подъехали туда, так как все окружающие улицы были забиты машинами. Это приехали русские, покинувшие родину задолго до революции. Все они были прекрасно одеты в костюмы-тройки, с золотыми часами и цепочками в карманах жилетов, в рубашках с галстуками и в фетровых шляпах. Кроме русских, в зале были и чистокровные американцы. Вообще, по внешнему виду и по автомобилям, мы решили, что в зале собрались буржуи и капиталисты. А когда разговорились, оказалось, что в подавляющем большинстве это были рабочие различных квалификаций, служащие и фермеры. Они объяснили, что внешнею разницу между ними и капиталистами трудно усмотреть, но они ездят на дешёвых автомобилях "Форд", носят костюмы из простого шевиота, а их часы и цепочки сделаны из накладного золота, в то время как богачи ездят на "Ролс-Ройсах" и "Кадиллаках", костюмы шьют из дорогих шерстяных тканей, а часы, цепочки и браслеты носят из чистого золота. А когда все расселись, двери открылись и с барабанным боем вошли 11 ветеранов Гражданской войны 61-го года прошлого столетия. Это были седые глубокие старики, державшиеся прямо, одетые в старинные военные сюртуки и фуражки. Они шли в ногу попарно, а впереди шагал барабанщик. Когда они вошли, все в зале встали и сели лишь тогда, когда ветераны заняли свои места в первом ряду. Мы узнали, что эти старички пользуются большим почётом во всей Америке, живут в специально для них построенном дворце на полном и достаточном обеспечении государства, причём, где бы они не появлялись, их приветствуют, вставая и снимая шляпы. Открыл вечер мэр Сан-Франциско, через переводчика он приветствовал гостей-колонистов и пожелал, чтобы они у себя на Родине были

посланцами дружбы американского народа. Были и приветствия от русских эмигрантов. А потом начались выступления наших ребят - женского и смешанного хора, концертные выступления нашего оркестра, скетчи и декламации нашего драмкружка. Выступали и артисты из числа эмигрантов. В перерывах колонистам разносили шоколад, сладости и мороженое. Все номера проходили под бурные аплодисменты. А в заключение на сцену вышел один из ветеранов и через переводчика передал нам приветствие от них и в знак этого - сольное выступление их барабанщика. Его виртуозное выступление на примитивном инструменте закончилось бурной овацией.

Путь от Сан-Франциско до Панама никакими происшествиями не ознаменовался, но по мере приближения к экватору усиливалась жара. На голове мы носили соломенные шляпы, а раскалённую палубу матросы часто поливали водой. В Панаме мы не высаживались, корабль простоял на рейде около суток, ожидая очереди на проход через Панамский канал, представляющий собой грандиозное международного значения сооружение, только недавно в 1920 году сданное в эксплуатацию. Он соединял Тихий и Атлантический океаны, сократив намного путь кораблей, до того огибавших всю Южную Америку. Наименьшая высота водораздела Панамского перешейка около 90 метров над уровнем моря. На эту высоту корабли поднимаются в одном конце тремя большими, длиной более 300 метров шлюзами с плотными воротами, а в другом – такими же тремя шлюзами опускаются. В середине между подъёмной и спускной частью, суда идут по поднятому над морем каналу и искусственному озеру. Движение судов осуществляется буксировочными электровозами,двигающимися по краю канала.

Панамский канал мы прошли за один день. А во время стоянок, когда в подъёмные шлюзы накачивалась вода, а из опускающих – вытекала, на берегу собирались большие толпы местного населения – негры, мулаты, метисы, белых было очень мало. Они приветствовали нас по-испански и по-английски и забрасывали нас связками бананов, большей частью незрелых. По приказанию капитана на корме была натянута сеть из проволоки, на которые были подвешены эти подарки. После обеда мы ели спелые бананы, они быстро созревали, и всем очень понравились. Через пару дней мальчишкам этого показалось мало, и мы ночью забирались на корму и наедались до тошноты, хотя бананов оставалось ещё много. После этого обжорства я до сих пор равнодушен к бананам, а тогда уже больше ни одного не съел.

В Карибском море нас опять потрепала сильная буря, опять большинство колонистов “травили”, а остальные, в том числе и я, чувствовали себя неважно. Мой японский друг-механик потом рассказал мне, что судно получило повреждения, с которыми в результате принятых временных мер мы доплывем до Нью-Йорка, но придётся ремонтироваться.

Так и случилось, в Нью-Йорке корабль простоял целый месяц. Мы были ещё далеко от рейда, когда увидели грандиозную Статую Свободы, с высоко поднятым факелом в руке. В ней была винтовая лестница, по которой туристы могли подняться на самый верх на площадку вокруг светильника. Оттуда был виден весь город и морские дали. А когда вошли в бухту, то у пирса увидели огромный пассажирский лайнер “Королева Елизавета”. Это был один из выпущенной последней серии самых больших в мире кораблей того времени, водоизмещением 40 тысяч тонн. Говорили, что такой же лайнер “Лузитания”, использовавшийся как плавучий госпиталь, во время первой мировой войны был потоплен, несмотря на белый флаг с красным крестом, торпедой, пущенной с германской подводной лодки. Немцы тогда уже пренебрегали международными законами. Наш корабль прошёл буквально под кормой у “Королевы”, пришвартовался к пирсу и после высадки нас на берег ушёл в ремонтный док. Нас отвезли на автобусах в военный городок форта “Вадсворт”, занимавший на острове Стейтен-Айленд большую территорию, опоясанную проволочными заграждениями, с охраной солдатами.

Там мы опять жили в хорошо обставленных казармах и опять прекрасно питались из солдатского котла. Прибытие нашего корабля в порт, высадка нас и доставка в форт – всё это шло в сопровождении большого количества корреспондентов, которые и фотографировали, и интервьюировали деятелей Красного Креста и нашу администрацию. Во всяком случае на следующий день все газеты Америки и Канады пестрели фотографиями и статьями о прибытии 800 русских петроградских детей под опекой Американского Красного Креста. Мы имели право ходить по всему форту, но не могли выходить за заграждения. А по другую сторону заграждений собирались русские эмигранты, расспрашивали нас о России, о Петрограде, угощали нас сладостями, их не пускали внутрь. Стояли жаркие августовские дни, и нас каждый день на открытых туристических автобусах возили на экскурсии. Мы побывали во всех музеях Нью-Йорка, в его огромном зоологическом саду, объехали все районы города, видели самый большой в мире в то время, Бруклинский мост, арку и памятник Вашингтону, осмотрели центр города, Манхеттен с его Бродвеем, авеню и стритами, а также линией небоскрёбов, видели самые высокие тогда в мире здания Вулворт-билдинг и Зингер-билдинг. Один день ездили на зафрахтованном для нас пароходе вверх по Гудзону. Там ходили в военное училище, вроде кадетского корпуса, где нас радушно приняли и угостили роскошным обедом, а потом брикетами мороженого из трёх цветов с фруктовыми соками. Потом гости и хозяева танцевали тустеп и вальс, и нашим девочкам подарили цветы.

На другой день мы отдыхали от развлечений, бродили по форту, а за его ограждением собиралось всё больше русских эмигрантов. И вот трое из них уговорили меня и моего друга-одноклассника, Женю, выбраться за ограду, чтобы пойти с ними в город. Охраняющие солдаты стояли редко и не особенно рьяно

исполняли свои обязанности. Мы нашли участок, где не было близко охраны, подкопали проходы под проволокой и вышли к соотечественникам. Но далеко мы не ушли, уже на Стейтен-Айленде через несколько кварталов нас всех задержал полицейский, высокий плотный мужчина, с пистолетом в заднем кармане и с резиновой дубинкой в руках. После переговоров с нашими сопровождающими, он согласился пойти с нами в универмаг, чтобы нас переодеть. И вот, курьёзная компания из трёх русских американцев, двух колонистов и полицейского переходила из отдела в отдел универмага, поднимаясь и спускаясь на лифте на разные этажи, пока не была приобретена и одета на нас американская одежда от ботинок до носков и подвязок, до белья, галстуков, кепок и, конечно, верхних костюмов. Наши вещи были аккуратно сложены в коробки и вручены нам. Выйдя из универмага, наши знакомые дали нам свои адреса и условились о времени встречи, полагая, что в американских костюмах нас теперь нигде не задержат, и распрощались с нами. Мы же теперь втроём с полицейским отправились в полицейский участок, где за длинным барьером стоял здоровенный толстяк полицейский с нашивками на рукаве, видимо, начальник, который, увидев нас, начал хохотать. Оказывается его рассмешил наш вид в американской одежде, так как в соседней комнате сидели трое задержанных наших ребят в одежде колонистов. Им подарили большой фруктовый торт, который они с аппетитом уничтожили. Через несколько минут нас всех посадили в полицейский фургон с решётками и в сопровождении полицейского отправили обратно в форт. Когда машина остановилась у здания нашей администрации, вокруг собралась большая толпа колонистов, так как о нашем побеге стало известно ещё раньше. Когда мы выходили из машины в сопровождении полицейского, на крыльце нас встречал доктор Колес, а ребята приветствовали нас криками “молодцы” и аплодисментами. В кабинете доктор Колес предложил нам дать слово, что мы больше не будем убегать из колонии, а получив отрицательный ответ, попросил объяснения. Мы сказали, что побегов не будет, если колонисты смогут свободно встречаться со своими земляками. Он пообещал обсудить этот вопрос с руководством Красного Креста. На следующий день, помня, что нас ждут знакомые, Женя и я опять выползли под колючей проволокой с территории форта, и уже одетые в американские костюмы, осторожно пробирались по улицам Стэтен-Айленда, остерегаясь встречи с полицией, к берегу залива, отделявшего нас от Кони-Айленда и Бруклина. Добравшись до пристани, мы купили билеты, поскольку у меня были заработанные деньги, и вошли на большой морской колёсный паром. Он имел тупые торцы, которыми он очень плотно и прочно пришвартовался к пирсу, после чего по проложенным на нижней палубе рельсам на паром входил поезд, по бокам которого располагались машины, а на верхней палубе пассажиры. Мы благополучно добрались к нашим новым знакомым, которые после беседы дома решили пойти с нами в ресторан.

Но вскоре опять полицейский задержал нас, объявив, что ни один американский мальчик в такую жару не носит пиджак и кепку, или – только в руках. Когда нас вернули в колонию, то оказалось, что в этот день беглецов было поймано и возвращено несколько десятков, но только мы двое добрались до Бруклина, остальные не ушли дальше Стэтен-Айленда.

Вечером же воспитатели объявили от имени американской администрации, что в ближайшие дни будут организованы встречи колонистов со всеми желающими земляками, но что побеги должны быть прекращены. На следующий день была организована экскурсия по районам Ист-Сайда, где проживало большинство эмигрантов из России, в том числе много кварталов, где жили евреи. Здесь уже чувствовался колорит русских городов – на улицах было много торговцев, разносчиков и продавцов с тележек с фруктами и сладостями. И вот, когда там появились наши медленнодвигающиеся туристские автобусы, их окружили толпы кричащих по-русски людей, они хватили товары с лотков и тележек и пригоршнями забрасывали ими нас. Мы тоже приветствовали и благодарили их. Они кричали, что скоро тоже вернуться на Родину. Это была трогательная демонстрация дружбы земляков и тоски по родине. А на следующий день случилась трагедия.

Пятнадцатилетний колонист Паша (Павел Николаев) подружился с семнадцатилетним солдатом ирландского происхождения. После завтрака солдат дежурил на посту, и Паша подошёл к нему. Дисциплина караульной службы была у них на низком уровне – в подсумках вместо патронов лежали сигареты и жвачка, а винтовки обычно не заряжались.

Точно не известно, что там произошло, то ли они рассматривали устройство винтовки, то ли, как мальчишки, подняли возню, но кто-то из них нажал курок и раздался выстрел.

Паша был убит наповал. Солдат бросил винтовку, схватив себя за волосы, побежал в штаб. Пашу все любили, понимали, что это страшная случайность. Ребята собрались и написали сразу же коллективную петицию американскому командованию форта с просьбой оказать снисхождение солдату. Выяснилось, что он пришёл на пост без винтовки и взял её у сдающего пост, не зная, что она заряжена. Но через час он был приговорён военным судом к пяти годам заключения. Это был день траура, а на следующий день утром вся колония на автобусах провожала Пашу в последний путь.

С момента нашего приезда толпы корреспондентов сопровождали нас. Кроме фотографий и статей в американских газетах, появились списки в алфавитном порядке имён и фамилий всех колонистов. Теперь у проволочной ограды толпились и днём, и вечером русские эмигранты, приехавшие не только из других городов Америки, но даже из Канады. Многие из них давали нам книги, в основном технические, с расчётами и описаниями последних американских

достижений, с тем, чтобы мы отвезли их в Россию для использования в нашей отсталой промышленности. В числе эмигрантов из Канады были два брата Гинзбурги, владельцы больших фотоателье в Монреале. Они приехали, заинтересовавшись тремя фамилиями Гуршман в опубликованных списках колонистов.

Когда мы пришли к ограде и разговорились, выяснилось, что они – бывшие нерадивые гимназисты, которых наш папа в студенческие годы, будучи репетитором, дотянул их до окончания гимназии. Они угощали нас конфетами, мороженым, спрашивали, что можно и нужно купить нам из одежды. Но мы сказали, что ни в чем не нуждаемся. А когда на следующий день на большом поле на территории форта была организована разрешённая встреча колонистов с эмигрантами, они пришли к нам с конкретным предложением: Соне и мне остаться у них. Они обещали обеспечить нам хорошее образование и сделать всё возможное, чтобы родители приехали к нам. И если мы захотим, они в любое время помогут нам добраться до Петрограда. Один из братьев был бездетный, у другого была одна девочка. Они просили нас подумать и позже дать ответ.

А чуть позже на той же встрече, Соня, худенькая, хорошенькая девочка понравилась американцам, по-видимому, богатой семье, мужу и жене. Жена неважно говорила по-русски, так как родилась в Америке от русских эмигрантов. Эта бездетная пара тоже уговаривала Соню остаться у них, обещая ей не только бытовые блага, но любое образование, и говорили, что она будет единственной наследницей их большого состояния. Узнав, что у нее есть брат, обрадовались и сказали, что это ещё лучше. Что после завершения образования я стану помощником и участником в их деле. Мы, не раздумывая, поблагодарили их и отказались от предложения, объясняя, что не мыслим жизни без родителей.

А на следующий день намечалось посещение колонией представления в самом большом зале Нью-Йорка в “Мэдисон Сквэр Гарден”, вмещающем более 10.000 зрителей. Об этом оповестили навещавших нас эмигрантов, и на следующий день большая часть билетов была куплена ими. И во время антрактов во всех буфетах и вестибюлях продолжались наши встречи с эмигрантами, с неизменными угощениями и подарками. Представление было смесью цирка и эстрады, с невиданной нами театральной техникой, когда мгновенно появлялось озеро, из которого выходили витязи, по сцене летали не только акробаты, но и чудовища. Озеро сменялось ареной с дрессированными зверями, клоунами, фокусниками, эквилибристами, а потом эстрадные концертные номера, вокальные, джазовые. Поражали новые световые эффекты. Других форм чистого театрального искусства в начале века в Америке ещё не было.

Был ещё один день встречи в форте, когда мы огорчили наших друзей Гинзбургов отказом остаться у них. После этой встречи в колонии поползли слухи, видимо пришедшие от эмигрантов, что нас везут не в Петроград, а во

Францию, где близ Бордо уже оборудуются специальные лагеря, в которых мы будем оставаться в качестве заложников за царские долги западным капиталистическим странам – Советское правительство отказалось их платить. К этому добавляли уже не слухи, а факты, что во Франции в лагерях сидит большая часть разоружённого русского экспедиционного корпуса, который воевал вместе с французами против немцев на франко-германском фронте, а другая часть отправлена в Иностраннный легион для выполнения полицейских и карательных функций в африканских колониях Франции.

Конечно, всё это взволновало колонистов, обратившихся к своим русским воспитателям с просьбой выяснить основательность слухов. Это было на последней неделе пребывания в Нью-Йорке. Американские руководители колонии просили воспитателей успокоить ребят и организовать общее собрание колонистов, где будут даны все разъяснения по этому вопросу. Мы собрались на большой площадке перед зданием администрации. К нам вышли вместе Райли Аллен и доктор Коллес (американский директор колонии), который сообщил нам, что за время нашего пребывания в Нью-Йорке Американский Красный Крест, серьёзно изучив обстановку, установил, что в Петрограде голод и разруха, в стране идёт беспощадная гражданская война. И считая рискованной доставку туда детей сейчас, обсуждается вопрос о временном, до улучшения обстановки, помещении детей во Франции, в лагерях Красного Креста, не подчинённых французскому правительству. Мы поняли, что вопрос уже решён, и подняли шум, выкрикивая “Везите к родителям!”, “Везите в Петроград!”, “Не поедем во Францию!”, “Не хотим быть заложниками!”, а старшие добавляли “Не хотим идти в Иностраннный легион!” Мистер Коллес хотел что-то сказать, но перекричать всех не мог, повернулся и ушёл в дом. Когда ребята немного успокоились, старшие мальчики предложили немедленно заявить протест через прессу, по возможности в большее количество газет, а также использовать нескольких проникших в форт корреспондентов. И вечером устроить демонстрацию с факелами и вручить начальнику колонии заявление, что мы не вернёмся на корабль, пока не получим через прессу гарантии Американского Красного Креста, что нас повезут на родину, а не во Францию. Общее собрание одобрило этот план действий. Быстро были написаны и доставлены в газеты наши протесты, и все занялись подготовкой факелов из подручных материалов: палок, консервных банок, тряпок, сухой травы, а также в качестве горючего были использованы найденные автомобильные отработанные масла, которые слили в пустую бочку. А вечером после ужина, когда полностью стемнело, мы, все 800 человек вместе с воспитателями построились в колонны по классам, с горящими факелами в руках и с криками “Мы протестуем!” обошли территорию форта и остановились перед зданием американского руководства колонией. А когда доктор Коллес вместе со своими помощниками вышел на крыльцо, и наши

представители старших мальчиков и девочек вручили ему заявление, вся колония не проронила ни звука, но за проволокой раздался шум и рёв возмущённых эмигрантов. Колес прочёл заявление, и когда шум прекратился, объявил, что передаст его руководству Красного Креста для решения вопроса, и, со своей стороны, также поддержит наше требование возвращения в Петроград. В то же время заранее приготовленные копии заявления ребята через проволоку передавали эмигрантам и корреспондентам. А утром уже на первых страницах американских, канадских и мексиканских газет появились статьи о наших событиях, протестах, заявлениях, иллюстрированные фотографиями.

Нас уже никуда не выпускали из форта, но мы обо всём знали от многочисленных эмигрантов, которые по-прежнему навещали нас и приносили газеты. А события быстро разгорались день ото дня. Уже все левые и прогрессивные политические партии устраивали митинги и демонстрации перед зданием управления Красного Креста в поддержку наших требований. А в газетах появились обращения к членам Американского Конгресса вмешаться в защиту русских детей. Не знаю, были ли осуществлены эти рекомендации, но после нескольких дней большого шума по всей Америке, руководство Красного Креста сделало через газеты заявление, что, учитывая желание русских детей и мнение широкой американской общественности, Петроградские Детские Колонии будут направлены через Финляндию в Петроград. После этого Коллес опять собрал всех колонистов, прочёл это заявление, напечатанное в официальной правительственной газете, и сказал, что теперь у нас есть полные гарантии отъезда домой, а не во Францию.

Через день мы вернулись на наш отремонтированный “Иомей Мару”, который вскоре отошёл от причала, и буксир потянул его в открытое море. При этом, вокруг корабля нас провожали более сотни моторных лодок и катеров, с которых в рупоры нам кричали по-русски приветствия и пожелания счастливого пути и выражения надежды встретиться в России.

Переход протяжённостью около 6500 км до французского порта “Брест” длился около двух недель и прошёл без каких-то запоминающихся событий. После швартовки у Брестского пирса в город нас не выпускали, да мы и сами не пошли бы из страха, что колонию могут задержать во Франции. Но на берег был сброшен трап, и нам разрешили устроить танцы в рядом стоящем пустом пакгаузе под охраной полиции. Во время танцев одна из младших девочек споткнулась, спускаясь по трапу, и упала в воду между стенкой пирса и бортом корабля. Её подруга вбежала в пакгауз и крикнула, что Вера Михайлова упала в воду. Танцы прекратились, и дирижер нашего оркестра первым выскочил из пакгауза и в чём был прыгнул в воду, а за ним ещё двое колонистов, один из них Егоров, он был чемпионом по плаванию. А два полицейских только не спеша начали раздеваться. Девочку вытащили, откачали, а над полицейскими посмеялись.

Дальше наш путь пролегал по северному морю мимо Бельгии и Нидерландов, через Кильский канал на севере Германии к берегам Финляндии. Во время короткой стоянки в Киле к нам подошла моторная лодка, в которой были родители нашего маленького колониста Лундта. После радостной встречи и объятий, они забрали его с собой, поблагодарив американцев. Из Киля мы прошли по Балтийскому морю и Финскому заливу в Хельсинки, где во время однодневной стоянки высаживались только наши американские руководители, вероятно для выяснения возможности размещения колонии, которая позже была размещена в финском санатории "Халило".

На этом повествование оборвалось, но мы знаем, что колонисты в конце концов прибыли в родной Петроград, где жизнь у всех сложилась по разному, кто-то не нашёл своих родителей живыми, другие с трудом узнавали поседевших и постаревших родителей. И началась новая страница их нелёгкой жизни.